

ВЕРСИИ
МИРОВОЙ ИСТОРИИ

Лев Колодный

ЛЕНИН БЕЗ ГРИМА

Версии мировой истории

Лев Колодный

Ленин без грима

«ВЕЧЕ»

2016

Колодный Л. Е.

Ленин без грима / Л. Е. Колодный — «ВЕЧЕ», 2016 — (Версии мировой истории)

ISBN 978-5-444-49138-6

Кем был на самом деле Владимир Ильич Ульянов-Ленин? До революции 1917 года ему приходилось, чтобы избежать ареста, нередко перевоплощаться, переодеваться, гримироваться так, что его близкие не узнавали. Последний раз накануне захвата власти в Петрограде он вышел из подполья и явился в Смольный в образе рабочего. Когда избавился от необходимости прибегать к гриму, за дело взялись соратники, публицисты, писатели и представили миру Ильича в образе великого пролетарского вождя, защитника трудящихся всех стран, основателя ленинизма. Наше время снимает с лица Ленина мастерский грим. Но накладывает на него густой черный, превращая в исчадие ада. Так кем в действительности был основатель партии большевиков и Советского государства В.И. Ленин? На этот вопрос пытается ответить книга журналиста, писателя Льва Колодного.

ISBN 978-5-444-49138-6

© Колодный Л. Е., 2016

© ВЕЧЕ, 2016

Содержание

Предисловие	6
Глава первая	8
Явление вождя в Палашах	8
«Ульяновский фонд»	13
С двойным дном	18
Под псевдонимом Ильин	24
По чужому паспорту	30
Конец ознакомительного фрагмента.	34

Лев Ефимович Колодный

Ленин без грима

© Колодный Л.Е., 2016

© ООО «Издательство „Вече“», 2016

© ООО «Издательство „Вече“», электронная версия, 2016

Предисловие

В образе питерского рабочего в волосатом парике под кепкой, гладко выбритый, по подложным документам на имя Константина Петровича Иванова предстает Ленин на фотографии, сделанной в августе 1917 года. Таким неузнаваемым выглядел он, когда за ним безуспешно охотились «ищейки Временного правительства», как писали историки. В завалящейся кепке и одежде, со щекой, перевязанной тряпкой, явился неожиданно-негаданно Ильич в Смольный, когда его соратники круто заварили кашу Октябрьской революции.

Наш вождь любил перевоплощения.

В годы первой русской революции вернулся однажды Ленин из-за границы домой в таком виде, что жена его не узнала: со сбритой бородой и усами, под соломенной шляпой. Тогда видели его в Москве в больших синих очках, какие носили слабовидящие...

Да, уважал маскарады Владимир Ильич, макияж, грим, парики. Пользовался ими, как артист. Парик, тряпку со щеки долго не снимал, даже попав в штаб революции, гудящий, как растревоженный улей.

Когда избавился от необходимости прибегать к парикам, за дело взялись партийные публицисты и представили миру Ильича в образе великого пролетарского вождя, пророка ленинизма, в гриме святого трудящихся всех стран. Наше время снимает с лица Ленина мастерский грим. Но накладывает на него столь же густой черный, превращая в исчадие ада. Кем был на самом деле Владимир Ильич Ульянов-Ленин?

Я давно хотел ответить на этот вопрос для себя. В музее «Кабинет и квартира Ленина в Кремле» увидел на письменном столе телефонную книжку, снял с нее копию и описал в «Московской правде». Оказалось, большинство тех, кому звонил Ленин, расстреляны. Ходил с вопросами к Лидии Фотиевой, секретарю вождя, расспрашивал телефонисток кремлевской АТС, стенографистку Володичеву, записывавшую ленинское завещание, ездил в Горки с водителем Гилем, стоявшим рядом с Лениным во время покушения у завода Михельсона. (К слову сказать, от него остался один камень на месте покушения и памятник.)

Чем больше узнавал о нем, тем сильнее крепло убеждение: не надо сносить памятники, закрывать музеи Ленина, тревожить могилу на Красной площади. Даже непримиримые идейные противники признают: этот человек «сыграл поразительную по силе и влиянию роль в истории. В сравнении с ним Наполеон – мелочь».

Опыт компартии Китая, превратившей отсталое государство во вторую экономику мира, доказывает: СССР, как геополитическая реальность, и КПСС, как правящая партия, могли бы и впредь существовать в мире, если бы «прорабы перестройки» не наделали роковых ошибок.

Ленин за эти ошибки не отвечает.

Можно многое узнать о нем, не проникая в секретные архивы. Достаточно прочитать мемуары, собранные в «Воспоминаниях о В.И. Ленине», чтобы лучше понять, кем был Ильич, как называли вождя Октябрьской революции современники, начиная от членов Совета народных комиссаров, кончая рабочими от станка Питера и Москвы. Поэт Николай Полетаев в 1924 году писал:

Портретов Ленина не видно,
Похожих не было и нет.
Века уж дорисуют, видно,
Недорисованный портрет.

Моя книга – еще одна попытка написать портрет этого человека. Больше, чем о нем, написано только о Христе.

Отпала необходимость каждое слово о Ленине визировать в Институте марксизма-ленинизма, где мне полвека назад не разрешили сообщить в газете, что рост его 164 сантиметра. Можно рассказывать о всем, что скрывалось от народа. Этим я воспользовался и написал книгу «Ленин без грима». Она вышла в 2000 году. Второй раз опубликована десять лет назад. Надеюсь, и в 2016 году ее прочтут.

Глава первая

Явление вождя в Палашах

На московскую землю Владимир Ильич Ульянов ступил в конце лета 1890 года, когда ему было двадцать лет.

«Впервые В.И. Ленин приехал в Москву не позднее 20 августа (1 сентября) 1890 г., когда направлялся из Самары в Петербург для переговоров о сдаче экстерном государственных экзаменов при Петербургском университете за курс юридического факультета». Это первая цитата, которую делаю из известной, выходявшей не раз книги «Ленин в Москве и Подмоскowie», составленной стараниями сотрудников бывшего Института истории партии МГК и МК КПСС при помощи краеведов, журналистов.

Мне могут сказать: «Что нового можно рассказать на эту тему, если она разрабатывалась, как золотая жила, десятки лет усилиями множества людей?»

Не собираюсь открывать новые ленинские места в Москве, хотя это и возможно, несмотря на тотальные поиски. В 70-е годы я побывал в одной коренной московской семье, где увидел бюст вождя, отлитый из чугуна сразу после его смерти, хранимый как реликвия. Увидел старинные часы фирмы «Мозер» в серебряном футляре, по преданию, подаренные самим Лениным покойному московскому рабочему-партийцу из этой семьи в благодарность за предоставленный приют после революции 1905 года в доме, располагавшемся некогда в восточной части города, где жили пролетарии. Дом этот, деревянный, одноэтажный, сохранился на семейной фотографии. У меня нет сомнений, что в один из приездов до Октября, в промежутке между эмиграциями, Ленин мог однажды заночевать на глухой окраине в семье рабочего, проверенного партийца. Из этой семьи вышел в люди будущий начальник знаменитой Таганской тюрьмы, назначенный на ответственную должность за заслуги перед революцией.

Однако никаких документов, подтверждавших этот факт ленинской биографии, не сохранилось, кроме воспоминаний преклонных лет москвички. Она видела основателя партии, будучи ребенком, когда Ленин оказался в их доме, а уходя, оставил щедрый подарок – карманные часы. И я ей поверил, потому что часы дарил он не один раз.

Поскольку, повторяю, документов никаких нет, и найти их практически невозможно, то и написать об этом факте, когда я узнал о нем, оказалось нельзя: разрешения на такую публикацию Институт истории партии никому бы автору не дал. Своего корреспондента, члена этой семьи, если память мне не изменяет, Николая Ивановича Какурина, просил я написать все, что ему было известно об этом эпизоде, чтобы хоть какой-то документ в архиве остался. Но не сумел его подвигнуть на такой труд. И сам не вдохновился. Маячил перед глазами образ начальника Таганской тюрьмы в командирской гимнастерке с шашкой на боку, увиденный мною на семейной фотографии. Он-то и стал преградой на пути к стиранию «белого пятна» в биографии вождя. Не хотелось идти по следам тюремщика, даже если по ним представлялась возможность выйти на явный ленинский след. Хотя, вообще говоря, это интересная работа – пройтись по пыльным тропинкам тюремщиков с дореволюционным партийным стажем.

Каждая из таких дорожек приведет рано или поздно к тракту или шоссе, магистральному пути, каким вошел в историю Ленин...

Так вот, с берегов Волги экстерн Владимир Ульянов ездил сдавать экзамены в Петербургский университет. Для этого ему следовало приезжать в Москву на Рязанский вокзал (ныне Казанский), перебираться на Николаевский, чтобы ехать в Петербург. Почему с Рязанского вокзала да не направиться в московскую гостиницу, а оттуда в центр, в Московский университет, славившийся юридическим факультетом, где также можно было бы сдавать экзамены?

К слову сказать, экстернат в Московском университете просуществовал много лет, я в 1950 году чуть было не поступил на это захиревшее отделение, но его как раз тогда прихлопнули, переведя всех экстернов в заочники...

Прибывающий тогда в Москву путешественник на Каланчевской площади чувствовал себя далеко от центра города, на его окраине. Нужно было нанять извозчика и по Домниковке, ныне не существующей, двинуться к Садовому кольцу, далее проследовать в гущу Москвы, где на площади около ста квадратных километров проживало около миллиона жителей.

Всех, по головам, пересчитали по переписи 1898 года, когда число москвичей перевалило за миллион. То есть наша Москва была в десять раз меньше, чем сегодня: и по территории, и по населению (с присоединением в XXI веке территории Московской области до границы Калужской области – и того больше). Но и тогда она была Москвой с Кремлем, десятками монастырей и сотнями церквей, Московским университетом и Московской консерваторией, галереей братьев Третьяковых и библиотекой Румянцевского музея, Большим и Малым театрами, множеством торговых рядов, тьмой трактиров, меблированных комнат, ресторанов, подворий.

Московский городской голова внедрял в быт водопровод, канализацию, строил новые Верхние торговые ряды на Красной площади, здание городской Думы... Москва слыла крупнейшим культурным центром России, где появлялись на свет симфонии и оперы Чайковского, романы Льва Толстого, рассказы Чехова, картины Левитана, дворцы Шехтеля, издавались десятки журналов и газет, множились типографии и издательства...

Однако, как мы знаем, наисильнейшее воздействие оказали на будущего вождя другие источники вдохновения, и особенно писатель, создавший в царской тюрьме роман под названием «Что делать?».

Неизвестно, останавливался ли Владимир Ульянов в Москве на пути в Питер, чтобы осмотреть достопримечательности, и если задерживался, то на какой срок.

Обстоятельства складывались так, что вслед за старшими детьми в семье Александром и Анной отправился он за образованием в столицу империи. Первым проторил путь в университет Александр Ульянов, подававший большие надежды в науке; в Питер проследовала и литературно одаренная Анна Ульянова. Старший брат, как известно, принял участие в покушении на императора Александра III, к счастью, не удавшемся. Помилования непреклонный Александр не попросил у царя и был казнен вместе с друзьями-заговорщиками, последовавшими тернистым путем разгромленной «Народной воли», державшей в страхе семью Романовых.

В отличие от старшего брата и старшей сестры Владимир не поехал в столицу, а поступил в Казанский университет, откуда его вскоре исключили за участие в студенческих волнениях, выслав в родовое имение деда Кокушкино, под Казанью. Спустя год с небольшим, после неоднократных ходатайств с просьбой разрешить завершить высшее образование, Владимир Ульянов, брат повешенного государственного преступника, получил на это право. Выбор пал на Петербургский университет. Почему?

В Петербурге решила учиться любимая Владимиром сестра Ольга, девушка талантливая, подавшая в августе 1890 года прошение на Высшие женские курсы. Девушек в университет по тогдашним правилам не принимали. В том же августе приезжает в Питер и ее брат.

На следующий год четыре раза навещался Владимир в университет, совершая дальние путешествия с берегов Волги через Москву к берегам Невы. Вскоре Ольга умирает. На Волковом кладбище появляется первая могила Ульяновых.

Поредевшая семья после кончины отца, казни брата и смерти сестры, после отделения решившего жить в Петербурге Владимира переезжает с Волги на постоянное место жительства в Москву. Это событие произошло в конце лета 1893 года, когда пришла пора поступать в университет младшему сыну в семье, Дмитрию, выбравшему медицинский факультет Московского университета.

Чем объяснить, что Ульяновы, оставшись без кормильца, могли свободно переезжать из города в город – из Симбирска в Казань, из Казани в Самару, из Самары в Москву, жить в хороших домах при полном достатке на квартирах как зимних, так и летних?

Это объясняется тем высоким положением, какое занимали в империи врачи и учителя.

Врачом (последняя должность – доктор Златоустовской оружейной фабрики) был дед по матери Александр Бланк, по специальности врач-хирург и акушер, по призванию бальнеолог, поклонник водолечения.

Учителем стал отец Илья Ульянов, служивший директором народных училищ губернии, удостоившийся чина действительного статского советника (по табели о рангах на штатской службе – приравнивался к чину генерала на военной службе). Оба – отец и дед – всем, что заработали, обязаны себе. Жены их, естественно, не служили, занимались детьми. Бланк оставил дочерям в Кокушкино усадьбу с землей, крепостными, помещичьим домом.

Илья Ульянов владел городской усадьбой в Симбирске. Продав ее, семья могла купить хутор Алакаевку под Самарой, с домом и землей, где, как в Кокушкино, жили и летом, и зимой.

Придя к власти, внук Бланка и сын Ульянова обещал, что народный учитель будет поставлен в Советской России в особое положение, в каком не пребывал при самодержавии. Слово не сдержал. Учитель и врач, библиотекарь и инженер, артист и журналист, как любой интеллигент, оказались в числе наиболее низкооплачиваемых трудящихся в социалистическом отечестве.

Никто из советских учителей, врачей не мог мечтать о таком количестве детей, о таком достатке, который имел провинциальный деятель народного образования Ульянов...

Итак, в августе 1893 года коренные волжане Ульяновы стали надолго москвичами, не испрашивая на то разрешения властей, не зная трудностей и мучений с «пропиской». Вдова Мария Александровна Ульянова, жившая на пенсию мужа, переезжала из города в город, но и давала образование всем детям, которые (при платном обучении) занимались в гимназиях, университетах и на высших женских курсах.

Первая московская квартира Ульяновых находилась в Большом Палашевском переулке, в надстроенном позднее верхними этажами старом доме, недалеко от Тверской.

Неделю Владимир прожил с родными. Сохранился документ, подтверждающий пребывание его в Москве, запись в книге регистрации читателей библиотеки Румянцевского музея, относящаяся к 26 августа 1893 года:

«Владимир Ульянов. Помощник присяжного поверенного. Б. Бронная, д. Иванова, кв. 3». Как видим, здесь указан не переулок, а близкая к нему Большая Бронная улица. Почему?

Как полагают историки, адрес этот – мифический, выдуман читателем библиотеки «в целях конспирации», так как точно известно, что родные его обитали в Большом Палашевском переулке.

Умерший своей смертью академик Петр Павлович Маслов, в юности примкнувший к социал-демократам, участвовавший в революционном движении (отошел от политики после Октября), познакомился с Владимиром Ульяновым как раз в 1893 году. Уже тогда Маслов поражен целеустремленностью товарища, сосредоточенной на одном пункте, сводившейся к «основной революционной задаче», которая поглощала его ум и волю.

Вспоминая молодость свою и Ленина после его смерти, академик Маслов в «Экономическом бюллетене» опубликовал в 1924 году воспоминания, где приводится поразительное по откровенности размышление об отличительной особенности характера молодого Владимира Ульянова:

«Может быть, я ошибаюсь, – писал Петр Маслов, – но мне кажется, что на все основные вопросы, которые можно поставить, его цельность дала бы такой ответ: „Что есть истина?“ – „То, что ведет к революции и победе рабочего класса“; „Что нравственного?“ – „То, что ведет к революции“; „Кто друг?“ – „Тот, кто ведет к революции“; „Кто враг?“ – „Тот, кто ей мешает“; „Что является целью жизни?“ – „Революция“; „Что выгодно?“ – „То, что ведет к революции“».

Такой вот моральный кодекс революционера. Из этой цитаты во многих изданиях исключался вопрос, касающийся нравственности. И не случайно.

Запись в регистрационной книге библиотеки – одно из документальных доказательств сформировавшейся в молодости безнравственности Ленина. Если требовалось солгать «во имя революции», то тут же появлялась очередная ложь, маленькая или большая. Сначала – из уст помощника присяжного поверенного помощника адвоката, а в конечном счете – из уст главы правительства.

В отличие от анкет, что заполняли при советской власти читатели, Румянцевская библиотека содержала всего три вопроса: фамилия, имя, отчество. Профессия. Место жительства. Ни о партийности, о национальности, социальном положении, образовании, прочих подробностях дореволюционный формуляр не интересовался.

Биографы Ленина, которые пытались выяснить его происхождение, национальность предков, сурово наказывались. Так, на двадцать с лишним лет была изъята из библиотек книга М. Шагинян «Семья Ульяновых», а сама она, по ее признанию, «порядком пострадала» из-за того, что открыла калмыцкое начало в роде отца, чем воспользовались немецко-фашистские газеты. Как выяснила писательница, бабушка Ленина со стороны отца «вышла из уважаемого калмыцкого рода», кроме того, и в жилах русского деда Николая Ульянова текла калмыцкая кровь.

То, что фашистские газеты Германии придали обычному среди уроженцев Волги факту некое значение и затрубили о нем в газетах, вполне понятно. На то они фашисты, расисты, преступники. Но почему по инициативе, казалось бы, интернационалиста, марксиста-ленинца Сталина и его соратников принимается решение ЦК ВКП(б) от 5 августа 1938 года «О романе Мариэтты Шагинян „Билет по истории“», часть I, «Семья Ульяновых», которое отправляет книгу Шагинян в застенки спецхранов и на костер именно за это генеалогическое открытие? Разве большевики – расисты?

Попало тогда и вдове Ленина, Надежде Константиновне Крупской, которая, прочитав роман в рукописи, «не только не воспрепятствовала его появлению, но всячески поощряла Шагинян, по различным сторонам жизни Ульяновых и тем самым несла полную ответственность за эту книжку». Вот такими безграмотными невнятными словами, таким фиговым листком прикрывалась явная неприглядная нагота, сущность сталинско-большевистского, партийного решения относительно «поощрения по различным сторонам жизни Ульяновых».

Абсолютный запрет накладывался на генеалогические исследования по линии матери, ее еврея отца и немки матери.

Если крестьянское, русское прошлое Николая Ульянова биографам позволяли описывать в мельчайших подробностях, то прошлое Александра Бланка представлялось в самых общих чертах. Достаточно было посмотреть на стенд музея В.И. Ленина в Москве, чтобы увидеть, как скрывается «неарийское» происхождение деда по линии матери.

Единственное, что позволили Шагинян, это сообщить: «Александр Дмитриевич Бланк был родом из местечка Староконстантиново Волынской губернии». Но сказать, что именем Александр, как и отчеством Дмитриевич, дед Ленина обзавелся на 21-м году жизни после крещения, принятия православия, а до того его звали Израилем, писательница, под страхом изъятия книги, проинформировать не могла.

Изъяли в шестидесятые годы все документы из ленинградских архивов, обнаруженные А. Петровым и М. Штейном, где сообщалось о желании братьев Бланк перейти из иудейской в православную веру. Это позволило им поступить в военно-медицинскую академию Петербурга, получить высшее образование и все права подданных российского императора.

– Мы вам не позволим позорить Ленина! – заявили одному из первооткрывателей документов о происхождении деда вождя в Смольном.

– А что, быть евреем позор? – спросил обескураженный историк.

– Вам этого не понять, – ответили ревнители чистоты ленинской крови в штабе революции. Той самой, которая сулила всем приверженцам свободу от всякого национального гнета! Сулить-то сулила, да только на практике многим выпускникам институтов и университетов после Отечественной войны, заполняя анкеты, приходилось при попытке занять высокую должность отвечать на пресловутый пятый пункт, после чего специалисты органов по чистоте крови проводили специфические «изыскания» по обеим линиям, отца и матери.

Если бы таким любопытством обладали царские чиновники, если бы руководствовались при решении кадровых вопросов инструкциями гласными и негласными, которые практиковались на Старой площади в ЦК и Лубянской площади в КГБ, – не видать бы нашему вождю ни диплома юридического факультета, ни заграничного паспорта. Ведь у него за рубежом, а также на петербургских кладбищах по линии матери покоились десятки родственников с совсем не чистозвонными фамилиями: Гросшопф (бабушка), Готлиб (прадедушка), Эстедт (прабабушка), то есть явно немцы и прочие разные шведы. Ну а что в далеком прошлом творилось по линии Израиля Бланка – никто и не пытался узнать, не дай бог. (Тех, кто интересуется подробностями о предках Владимира Ильича, отсылаю к книге Волкогонова «Ленин», книга 1.)

Сам же Владимир Ильич Ульянов родными языками называл русский и немецкий. По национальности считал себя, естественно, русским, уроженцем Волги, волжанином. Был потомственным дворянином, поскольку его отец, Илья Ульянов, став действительным статским советником, получил права дворянина, которые мог передавать по наследству...

А еще хочу сказать, что правительство Ленина никому не чинило преград из-за нерусской национальности, и слова о равенстве наций соблюдались неукоснительно. Иначе бы не образовалось на Земле в 1922 году после кровавой Гражданской войны самое большое государство в мире – Союз Советских Социалистических Республик – СССР.

«Ульяновский фонд»

Что известно о первом пребывании Владимира Ульянова в Москве, в Большом Палашевском переулке?

В воспоминаниях брата Дмитрия Ильича, продиктованных в старости, говорится:

«В Москве первая наша квартира была в Большом Палашевском переулке – близко от Сытина переулка, район Большой и Малой Бронной, около Тверского бульвара. Помню, что дом церковный. Тогда номера домов в Москве в ходу не были, и я помню, что Владимир Ильич еще смеялся, говорил: „Что же Москва еще номеров не ввела – дом купца такого-то“. Адрес ему еще такой попался: „Петровский парк, около Соломенной сторожки“. Он возмущался: „Черт знает, что за адрес, не по-европейски“».

Незаметным обыденным произошло явление Ильича в Палашах, как по-старомосковски назывался район Палашевских переулков, известный близостью к главной улице Тверской, заурядными каменными строениями, среди которых несколько принадлежало церкви Рождества Христова. Она стояла в Малом Палашевском переулке (уничтожена после революции).

После того как Ульяновы обосновались в Москве, Владимир Ильич стал регулярно приезжать к родным: по праздникам и летом, когда семья перебиралась на дачу.

В начале 1894 года состоялось первое его публичное выступление в Москве, свидетелем которого оказалось несколько десятков человек...

По описанию участника этого нелегального собрания Владимира Бонч-Бруевича можно представить, сколько усилий тратили тогдашние борцы с самодержавием, чтобы замести следы, уйти от филеров.

«Я в тот день принял все меры, чтобы явиться туда совершенно „чистым“», – пишет В.Д. Бонч-Бруевич в статье «Моя первая встреча с В.И. Лениным».

Спустя битый час после конных и пеших перемещений наш конспиратор произнес пароль и оказался в просторной квартире, где собралась большая группа интеллигентов, решивших послушать реферат народника Василия Воронцова.

В группе собравшихся увидел впервые Бонч-Бруевич будущего шефа по службе в «рабоче-крестьянском правительстве».

Это, по его словам, «был темноватый блондин с зачесанными немного выющимися волосами, продолговатой бородкой и совершенно исключительным громадным лбом, на который все обращали внимание». Знали его не по фамилии и имени, а целях конспирации «Петербуржцем».

Поразил он слушателей полемическим выступлением, длившимся минут сорок, памятью, способностью цитирования без бумажки. Естественно, что без бумажки говорил оратор все время. (Есть ли сегодня у нас такие руководители государства и партии «Единая Россия», способные говорить по идеологическим проблемам сорок минут без бумажки? Я такого не знаю.)

Своего оппонента, почтенного, пожилого писателя, молодой Петербуржец награждал серией негативных эпитетов. Теорию его назвал «обветшалым теоретическим багажом», «старенькой и убогой» а лично выступавшего назвал «господином почтенным референтом», который не имеет о марксизме «ни малейшего понятия». Писатель не обиделся, даже оживился после столь яростного обличения, поприветствовал Петербуржца, имени которого, как все, не знал, более того, даже поздравил марксистов, что у них появилась восходящая звезда, которой пожелал успеха.

Вряд ли услышал эти слова покрасневший от волнения оппонент, поскольку, как пишет В.Д. Бонч-Бруевич, после выступления сразу же исчез из его поля зрения. На то и конспиратор.

Присутствовавшая на том собрании Анна Ильинична Ульянова пригласила Бонча домой. Соблюдая правила конспирации, молодые революционеры разошлись: Анна Ильинична одним путем, Владимир Дмитриевич – другим, чтобы не привлечь внимание охраны.

Каково же было удивление Бонч-Бруевича, когда за семейным столом в квартире Ульяновых он увидел Петербуржца, в тот семейный вечер так и не представившегося гостю своим именем.

Сидя за столом, будущий соратник и друг услышал впервые во время оживленной беседы скептическое ленинское «гм, гм», которым выражалось множество оттенков чувств, в частности, ирония, сомнение, услышал ставшее известное по кинофильмам обращение «батенька».

– Расскажите-ка вы, батенька, – обратился молодой будущий вождь к столь же молодому будущему управляющему делами советского правительства, – что у вас здесь делается в Москве. Мне говорят, что вы имеете хорошие социал-демократические связи.

И, не спрашивая имени-отчества Петербуржца, Бонч-Бруевич все взял, да и рассказал, не таясь, вроде бы отчитался о проделанной работе, хоть сам считал себя конспиратором, как мы видели, часами разгуливал по задворкам, чтобы не привлечь к себе внимание полиции. Значит, было что скрывать.

Только через год от Анны Ильиничны узнал «батенька» Бонч, что выступавший против народника Воронцова блистательный Петербуржец не кто иной, как Владимир Ульянов, ее родной брат. Десятки лет спустя, в 1923 году, получил Бонч-Бруевич из бывшего полицейского архива фотографию донесения в департамент полиции, где агентом охранного отделения подробно описывалось то самое тайное собрание на Арбатской площади, которое состоятельные революционеры тщательно скрывали, колеся по Москве на извозчиках.

Тайный агент, оказывается, все тогда и увидел, и услышал. Он докладывал начальству:

«Присутствовавший на вечере известный обоснователь теории народничества писатель „В.В.“ (врач Василий Павлович Воронцов) вынудил своей аргументацией Давыдова замолчать, так что защиту взглядов последнего принял на себя некто Ульянов (якобы брат повешенного), который и провел эту защиту с полным знанием дела».

Как видим, московская полиция знала, кто скрывался под именем Петербуржца, знала то, что скрывали от Бонч-Бруевича и собравшихся слушателей. Выяснила вскоре точно, и в каких отношениях состоял «некто Ульянов» с повешенным Ульяновым...

Владимир Ульянов предчувствовал, что московское выступление ему даром не пройдет. Как вспоминает Анна Ильинична, ее брат «ругал себя», что, раззадоренный аплодмбом, с которым выступал народник «В.В.», ввязался в полемику в недостаточно конспиративной обстановке. После того выступления он «даже рассердился на знакомую, приведшую его на эту вечеринку, что она не сказала ему, кто его противник».

Кто эта «знакомая»? Из примечаний мемуаристики узнаем: М.П. Яснева-Голубева.

Она была на девять лет старше Петербуржца, и раньше его как народница вступила в революционное движение. В Самаре, где отбывала ссылку под гласным надзором полиции, познакомилась в доме Ульяновых с Владимиром, который ей показался старше своих лет. Но понравились глаза, «прищуренные, с каким-то особенным огоньком».

Новый знакомый проводил молодую женщину домой. Такие провожания стали частыми. Не ограничиваясь прогулками, заходил Владимир к Голубевой домой, приносил книги, читал вслух свои заметки. Подолгу беседовали, задушевно. О чем?

– Часто и много мы с ним толковали о «захвате власти» – ведь это была излюбленная тема у нас, якобинцев. (Якобинцами Голубева считала себя и своих друзей-единомышленников.) Насколько я помню, Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти...

Владимир пытался научить Голубеву игре в шахматы, но не преуспел. Зато сумел изменить ее взгляды, из якобинки сделал единомышленницей, марксисткой, время на это было,

после каждого посещения семьи Ульяновых, как писала спустя сорок лет Голубева, «Владимир Ильич неизменно шел меня провожать на другой конец города».

Именно Мария не только привела Петербуржца на вечеринку-диспут на Арбатской площади, в разрушенный впоследствии фугасной бомбой дом у кинотеатра «Художественный», но и устроила конспиративную встречу его с двумя товарищами. Произошла она на Малой Бронной улице в квартире сестры, бывшей замужем за частным приставом, то есть полицейским.

По делам службы он часто отлучался из дому. Предполагалось, что во время посещения квартиры конспираторами его не будет. Два товарища по какой-то причине запоздали. Зато неожиданно появился среди дня хозяин дома, и с московским гостеприимством пригласил за стол отобедать и сестру жены, и ее спутника. Тот было начал отказываться, но перед напором радушного пристава не устоял, сел за сервированный стол.

«И вот, – читаем в книге „Ленин в Москве и Подмоскowie“, – Владимир Ильич пошел с Марией Петровной обедать вместе с приставом. Хозяин, не зная, конечно, с кем он имеет дело, был воплощенной любезностью...»

Возможно, пристав размышлял, что угощает обедом будущего родственника...

Вскоре дороги Ульянова и Голубевой разошлись. Они не поженились. «Якобинка», пойдя за самарским знакомым и очутившись в стане большевиков, после Октября попала в органы ЧК и аппарат ЦК. Год ее смерти – 1936-й... По-видимому, ее расстреляли.

...В рождественские дни 1894 года Москва принимала съезд врачей и естествоиспытателей. Вместе с ними Владимир Ульянов заседал в актовом зале Московского университета на Моховой, где обсуждались проблемы статистики. В те январские дни участники съезда и заседали, и гуляли в Первопрестольной, заполняя рестораны, клубы.

Побывал Владимир на квартире молодого врача А. Винокурова, входившего в «шестерку» марксистскую группу в Москве, рекомендовал товарищам «быстрее переходить от пропаганды марксизма в кружках к злободневной политической агитации среди широких масс рабочего класса».

И уехал в Питер, где заимел свой кружок «Союз борьбы за освобождение рабочего класса».

Вернулся вскоре в Москву Петербуржец на другой праздник – Масленицу, в конце февраля, о чем упоминается в «Биографической хронике» Ленина, мемуарах врача С. Мицкевича, члена «шестерки».

«Приезжал он еще раз в эту зиму, помнится, в конце февраля, на Масленицу, я виделся с ним, ходили опять к Винокурову, там же встретили А.С. Розанова, марксиста, приехавшего из Нижнего».

Съездил Петербуржец из Москвы в Нижний...

В Нижнем Владимир Ульянов успел побывать и в январе.

На какие деньги?

Как видно из «Биохроники», переехав из Самары в Питер, совершая оттуда наезды в Москву и другие города, Петербуржец, будучи присяжным поверенным, не тратил время на заседания в суде, на защиту крестьян и мещан, обвинявшихся в разного рода кражах, а именно на таких, главным образом уголовных, делах специализировался молодой юрист после получения диплома, начав службу Фемиде.

На какие средства жил Петербуржец осенью 1893-го, весь 1894-й и 1895 год – до ареста, когда перешел полностью на казенное содержание? За чей счет ездил наш герой по городам?

Этот вопрос никогда не освещался советскими биографами. Впервые осмелился его коснуться, будучи за кордоном, Николай Владиславович Вольский, он же Валентинов.

Родился этот литератор в городе Моршанске Тамбовской губернии, в семье предводителя дворянства. Круто разошелся с семьей, увлекся марксизмом, а в 1904 году познакомился с

Ульяновым, стал его единомышленником. Затем резко размежевался с ним по философским вопросам, хотя остался до конца дней социалистом.

После революции 1917 года жил в России, редактировал «Торгово-промышленную газету», выходящую в советской Москве. В 1930 году выехал за границу на дипломатическую работу. И не вернулся на родину, осознав, что его ждет Лубянка, смерть. Валентинову мы обязаны несколькими замечательными книгами. О бывшем единомышленнике он написал несколько документальных сочинений: «Встречи с Лениным» (Лондон, 1969), «Ранние годы Ленина» (Анн-Абор, США, 1969) и «Малоизвестный Ленин» (Париж, 1972).

В последней из названных книг Валентинов первый, очевидно, ответил на такой существенный вопрос: из каких источников Ленин брал деньги, нигде не работая, не получая заработной платы? Особенно в те годы, когда не возглавлял партии, не черпал суммы в партийной кассе, пополнявшейся из разных источников, не всегда кристально чистых, порой кровавых.

В советские годы, рассказывая рабочим и крестьянам о жизни брата, его старшая сестра Анна Ильинична Ульянова-Елизарова сочинила «Воспоминания об Ильиче», а также биографию «В.И. Ульянов (Н. Ленин), краткий очерк жизни и деятельности».

Она объяснила, почему после Самары семья Ульяновых разделилась: мать и дети переехали в Москву, а Владимир – в Питер.

«...ему не захотелось основаться в Москве, куда направилась вся наша семья вместе с поступающим в Московский университет братом Митей. Он решил поселиться в более живом, умственном и революционном также центре – Питере. Москву питерцы называли тогда большой деревней, в ней в те годы было еще много провинциального, а Володя был уже по горло сыт провинцией. Да, вероятно, его намерение искать связи среди рабочих, взяться вплотную за революционную работу заставляло его также предпочитать поселиться самостоятельно, не в семье, остальных членов которой он мог бы компрометировать».

Итак, главная причина – жить в Питере, а не в Москве, – состояла в том, что Первостольная казалась Владимиру «большой деревней». Жить в деревне, даже в большой, дешевле... Но материальные обстоятельства не волновали. Почему?

В книге «Детские и юношеские годы Ильича» Анна Ильинична, обращаясь к «внучатам Ильича», поведала им, что после смерти отца в 1886 году «вся семья жила лишь на пенсию матери, да на то, что проживалось понемногу из оставшегося после отца». То есть дала понять: семья нуждалась.

Дети, читая книгу, конечно, верили тете Ане. Но те дети, которым удалось посетить дом-музей в бывшем Симбирске, могли засомневаться в нужде Ульяновых даже после кончины кормильца. Я был свидетелем сцены, когда после посещения двухэтажного дома Ульяновых некий мальчишка-экскурсант выговаривал отцу, который привел его в музей: «А ты говорил, что Ленин из бедной семьи!»

Подобного персонального дома в СССР не имелось в городе ни у одного врача, инженера, офицера, чиновника!.. Такой возможности их лишил бывший житель усадьбы на Московской улице Симбирска, той самой, где сегодня музей.

Мать Ленина Мария Александровна получала после кончины Ильи Николаевича Ульянова пенсию от государства в сумме 100 рублей. По нынешним временам сколько это, трудно сказать. Но известно, что самые лучшие сорта мяса, рыбы, масла стоили в Российской империи копейки за фунт...

Но ста рублей в месяц не хватило бы на покупку хутора, лошади, мельницы, на поездки за границу, переезды из города в город, учебу детей в гимназии и университете...

Именно такая жизнь семьи Ульяновых началась после кончины Ильи Николаевича. Что же в таком случае «проживалось понемногу из оставшегося от отца»?

Биограф Ленина Валентинов-Вольский пишет, что у отца имелись не только личные сбережения, хранившиеся в банке, но и наследство, завещанное покойным одиноким братом.

Деньги, полученные после продажи симбирского дома с усадьбой, вместе с этими банковскими суммами образовали некий «Ульяновский фонд». Он-то и позволял большой семье не только арендовать многоквартирные квартиры, но и купить хутор под Самарой, которым семья владела до 1897 года.

Марии Александровне принадлежала часть имения в Кокушкино.

Хутор Алакаевка, 83,5 десятины земли, купили за 7500 рублей. Хозяйством молодой Владимир Ильич не захотел заниматься, чтобы не вступать в конфликт с крестьянами. Конфликтовать было из-за чего. На всю деревню, на 34 крестьянских двора, приходилось 65 десятин – намного меньше, чем на одну семью Ульяновых. Землю они сдавали в аренду предпринимателю, а уж тот отстегивал каждый год, в зависимости от урожая, некий доход, о котором ни Анна Ильинична, ни кто-либо другой из семьи Ульяновых не пишет.

Упоминает об этом источнике и других финансовых основах семьи Владимир в письме к матери, относящемся как раз к тому времени, когда семья обосновалась в Москве, а он зажил самостоятельно в Питере.

«Напиши, в каком положении твои финансы, – обращается к Марии Александровне сын в октябре 1893 года, – получила ли сколько-нибудь от тети? Получила ли сентябрьскую аренду от Крушвица, много ли осталось от задатка (500 р.) после расходов на переезд и устройство?»

Как видим, молодой хозяин все держал в голове. Упомянутая тетя управляла имением Кокушкино, частью которого владела ее сестра, Мария Александровна; упомянутый Крушвиц арендовал хутор Алакаевку и получал деньги с крестьян, которые затем пересылал владелице, все той же Марии Александровне. Она, в свою очередь, исправно переводила деньги сыну.

« Попрошу прислать деньжонок: мои подходят к концу, – уведомлял Петербуржец мать... – Оказалось, что за месяц с 9/IX по 9/X израсходовал всего 54 р. 30 коп., не считая платы за вещи (около 10 р.) и расходов по одному судебному делу (тоже около 10 р.)».

То есть за месяц ушло на житье в столице 74 рубля. Вся пенсия за отца, как уже говорилось, равнялась 100 рублям. Значит, чтобы помогать сыну, Мария Александровна должна была иметь на расходы каждый месяц не сто рублей, а в несколько раз больше.

Тщательно затушевывая материальную сторону жизни Ульяновых, изображая ее в красках серых, Анна Ильинична вскользь упоминает о заработке брата, падающем на то время, когда он писал матери письмо с просьбой «прислать деньжонок».

«Осенью 1893 года Владимир Ильич переезжает в Петербург, где записывается помощником присяжного поверенного к адвокату Волкенштейну. Это давало ему положение, МОГЛО ДАВАТЬ ЗАРАБОТОК (выделено мною. – Л.К.). Несколько раз, но кажется все в делах по назначению, Владимир Ильич выступает защитником в Петербурге».

Могло давать. Но не давало.

«Биохроника» документально доказывает, что все свободное время, с утра до поздней ночи, уходило у Петербуржца на чтение классиков марксизма на русском языке и в оригинале на немецком языке, других политико-экономических сочинений. Вместо общения с клиентами беседует Ульянов с новоявленными марксистами, посещает кружок студентов-технологов, выступает с рефератом, пишет статьи, ведет переписку с единомышленниками... И пишет собственное сочинение. Все это происходило в 23 года.

В начале лета, взяв рукопись, Владимир Ульянов уезжает из Питера в Москву, чтобы провести лето в кругу семьи на даче. Под Москвой...

С двойным дном

Итак, отвоевав изрядно с народниками на страницах будущей книги «Что такое „друзья народа“...», молодой автор сложил в стопу рукопись монографии и с сознанием исполненного долга отправился из Питера в Москву.

Он заслужил право на отдых, и такой представился впервые не на берегах Волги, в глуши под Казанью, родовом гнезде Кукушкине, не на собственном хуторе под Самарой, где обычно собиралась летом дружная семья, а в неведомых Кузьминках, близ подмосковной станции Люблино Курской железной дороги.

На этой дороге работал Марк Елизаров, муж Анны Ильиничны. Вместе с двумя сослуживцами сняли они на три семьи дачу-дом в лесной местности, удобно связанной с Москвой.

Видел я двухэтажный старинный дом в Кузьминках, на фасаде которого долгое время висела мемориальная доска, сообщавшая прохожим, что именно здесь проживал летом 1894 года Владимир Ильич Ленин. Рядом с особняком в лесу располагались другие дачи, арендуемые на лето москвичами. Местность издавна считалась дачной, находилась вблизи знаменитых подмосковных усадеб «Кузьминки» и «Люблино», изобиловала ягодами, грибами, каскадами прудов.

Вслед за водружением в тридцатые годы мемориальной доски в шестидесятые годы произошла полная музеефикация всего здания стараниями энтузиастов-краеведов, во главе которых стоял старый большевик Бор-Раменский, кандидат исторических наук. Однажды он пригласил меня в Кузьминки взглянуть на дело рук своих. Было ветерану партии что показать, чем гордиться: двухэтажный особняк превратился в еще один мемориальный дом-музей Ленина, причем первый в пределах новых границ Москвы 1961 года, куда вошли некогда подмосковные Кузьминки и Люблино.

Не жалея времени, сил, средств при помощи Московского горкома партии и государственных музеев энтузиастам удалось раздобыть множество подлинных вещей конца XIX века, книг, заполнить ими просторные стены.

Я написал об этом музее очерк. Еще бы, именно на даче в Кузьминках завершена книга, которую толкователи ленинизма признают «подлинным манифестом революционной социал-демократии». Этот манифест заканчивался возвышенными словами: «...русский РАБОЧИЙ, поднявшись во главе всех демократических элементов, свалит абсолютизм и поведет РУССКИЙ ПРОЛЕТАРИАТ (рядом с пролетариатом ВСЕХ СТРАН) прямой дорогой открытой политической борьбы к ПОБЕДОНОСНОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ».

Вот когда пролетариям соседнего с дачей Люблинского литейно-механического и всех других заводов была уготована роль авангарда в задуманной в голове молодого дачника мировой встряске. (Кто сегодня из молодых выпускников университетов в 23 года способен дать России теорию, чтобы решить проблемы, не менее острые, чем те, которые переживала Российская империя в 1893 году?)

Таким образом, белостенная дача в Люблино стала объектом музейного показа, местной достопримечательностью. К ней проторили тропу экскурсанты, благоговейно взиравшие на простую металлическую кровать, заправленную тонким одеялом, стул и стол под настольной лампой с зеленым абажуром... Здесь, как рассказывали посетителям, допоздна горел свет, здесь будущий вождь писал свои сочинения, переводил Энгельса, брошюру Каутского «Основные положения Эрфуртской программы», на этой даче Ленин учился печатать на машинке, причем непременно быстро.

И вдруг в один черный для энтузиастов день музей тихо прикрыли. Экспонаты куда-то увезли. Как мне рассказывал опечаленный Бор-Раменский, участники революции и Гражданской войны, отсидевшие по два десятка лет в родных советских тюрьмах и лагерях, до

последнего вздоха верили, что в эти самые лагеря они попали случайно, по некой исторической ошибке, по злой воле предателя Сталина, изменившего великому делу Ленина.

«А наш Ильич – человек гениальный, он не виноват в лагерях», – убеждал меня Бор-Раменский, и внушал эту мысль мне, молодому члену партии, и я искренне радовался, что такой вот замечательный большевик, принадлежавший к старой ленинской гвардии, не сгинул в лагере, вышел на свободу, сумел начать новую жизнь, основал еще один ленинский мемориал.

Старик Бор-Раменский с юношеским пылом покупал в букинистических магазинах книги, брошюры, журналы конца XIX века, какие мог читать его кумир летом 1894 года. Не жалел персональной пенсии на книги. Рылся в архивах, чтобы найти документальное подтверждение версии о подлинности ленинской дачи. В тридцатые годы Мария Ильинична, которую привозили в Кузьминки, признала, что белый двухэтажный дом с мезонином – та самая дача, где жила семья Ульяновых. И вот докопался кандидат исторических наук, что не так все было...

Ему хватило мужества и честности признаться в ошибке, которую разделили с ним партийные инстанции, давшие «добро» на открытие музея. Но докопаться до истоков трагедии собственной загубленной жизни и своего поколения не смог.

На этой ли, на другой даче, но именно в Кузьминках автор монографии «Что такое „друзья народа“...» прожил все лето – два с половиной месяца. Не только писал, переводил классиков. Научился кататься на велосипеде, купался в пруду, встречался с московскими молодыми марксистами, решившими своими силами издать сочинение Петербуржца.

Для этого ездил с дачи в Москву, на Садовую-Кудринскую, где в глубине владения, в двухэтажном строении проживал член «шестерки» врач Мицкевич.

В этом доме автор передал свою рукопись московскому студенту А. Ганшину, которая произвела на последнего «огромное впечатление». Он и вызвался издать труд, благо был человеком состоятельным.

Поскольку ни одна легальная типография не могла бы тогда опубликовать сочинение со столь явно выраженным стремлением к насильственному ниспровержению существовавшего государственного строя, то молодые люди решили отпечатать выпуски книги по частям, нелегально, на множительных машинах. Одна часть рукописи печаталась в имении отца этого студента под Владимиром. Затем продолжили тайком работу в Москве, на Первой Мещанской улице, в одном из домов на квартирах отца все того же студента Ганшина.

«В Горках и в Москве, – писал он, – мною и В.Н. Масленниковым (студент Московского высшего технического училища. – Л.К.) были изданы только две первые части». Числом всего сто экземпляров. Их зачитывали до дыр, читали вслух в кружках. Автор даже девушкам читал свое сочинение, и они внимали каждому слову. Этой книгой Владимир Ульянов утвердил себя как лидер нового течения в революционном движении России.

Вспоминая о беседах в Кузьминках на берегу пруда, спустя тридцать лет этот же составившийся издатель писал, что «уже тогда чувствовалось, что пред тобой могучая умственная сила и воля, в будущем великий человек».

Чтение в кружках происходило и в Москве, и в Питере, куда уехал в конце августа отдохнувший и посвежевший будущий «великий человек», а тогда помощник присяжного поверенного, о котором, очевидно, за лето подзабыли коллеги из юридической консультации, где, бывало, он как адвокат вел прием истцов.

Об адвокатской практике в 1894 году «Биохроника» не упоминает ни разу: всё тайные кружки, встречи с марксистами-интеллигентами, с рабочими на их квартирах. Одному пролетарию вождь помогал изучать первый том «Капитала» Карла Маркса.

Можно вообразить, что из этой затеи вышло... Я на первом курсе Московского финансового института перед экзаменом по политэкономии одолел всего страниц сорок, споткнувшись на словах «стоимость тем и отличается от вдовицы Квикли, что не знаешь, с какой стороны за нее взяться». Так и не узнал, что это за вдовица, о которой упомянул Карл Маркс.

В конце года в письме к матери, занятый штудированием Маркса, просит достать ему третий том «Капитала». Волнуют и семейные дела. Младшая сестра Мария Ильинична с трудом одолевает гимназический курс, терзается, что успевает плохо, о чем сообщает любимому брату. А тот отечески отвечает. Из «Биохроники» узнаем: «Ленин пишет письмо М.И. Ульяновой, в котором беспокоится о ее здоровье, рекомендует не переутомляться».

Все так, но не совсем. Вот что на самом деле писал Владимир Ильич Марии Ильиничне:

«С твоим взглядом на гимназию и занятия я согласиться не могу... Мне кажется, теперь дело может идти самое большее о том, чтобы кончить. А для этого вовсе не резон усиленно работать... Что за беда, если будешь получать тройки, а в виде исключения двойки?... Иначе расхвораешься к лету не на шутку. Если ты не можешь учить спустя рукава – тогда лучше бросить и уехать за границу. Гимназию всегда можно будет кончить – поездка теперь освежит тебя, встряхнет, чтобы не кисла очень уж дома. Там можно поосмотреться и остаться учиться чему-нибудь более интересному, чем история Иловайского или катехезис Филарета».

Да, брат знал, что говорил, сам штудировал Иловайского и Филарета, сдавал на пятерки «почти» все гимназические дисциплины, цену им знал, высоко не ставил. И советовал поэтому сестре в 16 лет бросить... выпускной класс, семью и уехать учиться за границу!

Зная о трех источниках семейного бюджета (пенсии матери, наследство отца, земельная рента) мы не особенно удивимся такому совету. Ясное дело, что «деньжонок» и на дорогу, и на жизнь, и на учебу за границей нашлось бы и для младшей дочери, как находились они для всех остальных детей. Вот выдержка из другого, более позднего письма сестре:

«Меня вообще очень удивляет, что ты с неохотой едешь за границу. Неужели интереснее сидеть в подмосковной деревушке?»

Еще одно указание по этому поводу, на сей раз матери: «Маняша, по-моему, напрасно колеблется. Полезно бы ей пожить и поучиться за границей, в одной из столиц, и в Бельгии особенно, удобно заниматься. По какой специальности хочет она слушать лекции?»

Наконец Маняша решилась и отправилась по совету брата в Бельгию, где начала слушать лекции в университете.

«План Маняши ехать в Брюссель мне кажется очень хорошим. Вероятно, учиться там можно лучше, чем в Швейцарии. С французским языком, вероятно, она скоро справится. В климатическом отношении, говорят, там очень хорошо».

Когда сестра оказалась в Брюсселе, то не только училась, но следила за новой литературой, интересовавшей брата, покупала дорогие книги и отправляла ему в Россию... А он, узнав, что Маняша устроилась в Брюсселе, углубил свои знания о местоположении столицы Бельгии, после чего писал сестре:

«Взялись сейчас за карты и начали разглядывать, где это – черт побери – находится Брюссель. Определили и стали размышлять: рукой подать и до Лондона, и до Парижа, и до Германии, в самом, почитай, центре Европы... Да, завидую тебе», – писал уже из мест не столь отдаленных брат...

Ясное дело, что подбивал ненавязчиво сестру съездить из Брюсселя погулять и в Лондон, и в Париж, и в Берлин, все ведь рядом, до всего рукой подать, коль в руке «деньжонки». Одной рукой принимает Владимир «деньжонки» у матери, полученные за аренду земли, прибавочную стоимость, изъятую у крестьян Алапаевки. А другой рукой молодой хозяин хутора сочиняет экономическую статью, где с гневом пишет о неких «кулацких элементах, арендующих землю в размере, далеко превышающем потребность», которые «отбивают у бедных землю, нужную тем на продовольствие». Можно ли его за это осуждать? Такая была жизнь. Пушкин при крепостном праве тоже получал «деньжонки» от крестьян своей деревни.

У младшей из Ульяновых дело с учебой обстояло все-таки плохо, высший курс наук она до конца и не одолела, в отличие от братьев и сестры, уважавших дипломы. Прославленный

наш педагог Надежда Константиновна в свою очередь писала в Брюссель юной родственнице, терзавшейся угрызениями совести:

«Ты совсем в других условиях живешь. „Хлебное занятие“, не знаю, не знаю, стоит ли к нему готовиться, думаю, не стоит, а если понадобятся деньги, поступить на какую-нибудь железную дорогу, по крайней мере, отзвонил положенные часы, и заботушки нет никакой, вольный казак, а то всякие педагоги, медицины, и т. п. захватывают человека больше, чем следует. На специальную подготовку время жаль затрачивать...»

Да, таких откровений в томах педагогических сочинений Н.К. Крупской не найдете. Там совсем другие наставления для детей трудящихся. Но, как видим, и иные мысли ведомы были Надежде Константиновне, столпу научного коммунистического воспитания, борцу за трудовую политехническую школу... Эти слова до недавних лет можно было увидеть на вывесках московских школ, испытывших на себе не одну реформу.

Все эти и другие письма свидетельствуют, что Ульяновы и примкнувшая к ним Крупская жили без нужды, в достатке, даже разделившись на четыре семьи. Но сейчас хотелось бы сказать о другом.

Русская интеллигенция могла посылать детей учиться за границу, даже имея средний достаток, какой был у Ульяновых, интеллигентов второго поколения.

Не все, конечно, российские юноши и девушки без особой пользы, как Мария Ульянова, учились в европейских университетах. Многие, как Савва Морозов, учившийся в Англии, получали блестящее образование за границей, становясь дипломированными инженерами, врачами, учеными, расширяли кругозор, перенимали передовой опыт, технологии.

На 25-м году жизни устремился за границу и Владимир Ульянов, чтобы укрепиться в избранной им вере на родине вероучителей.

В Москву после памятного лета в Кузьминках попал менее чем через год, весной 1895 года, по дороге в Европу, куда настоятельно советовал отправиться сестре. Его родные в очередной раз сменили московский адрес и проживали в Яковлевском переулке, у Курского вокзала, к которому тяготел по службе Марк Елизаров. Дом этот, уютный московский особнячок, хоть на нем висела мемориальная доска, сломали в шестидесятые годы, как и фасад замечательного Курского вокзала, пристроив к оставшемуся корпусу стеклянный блок, напоминающий римский вокзал Термини.

Ехал за границу Владимир Ильич легально, с заграничным паспортом, даденным ему для поездки на лечение якобы после перенесенной болезни. Жандармы вряд ли поверили в болезнь поднадзорного брата казненного Александра Ульянова, долго они отказывали в заграничном паспорте, советовали лечиться на Кавказе, пить эссендуки № 17.

Но паспорт дали, и заграничным агентам охраны рекомендовалось «учредить за деятельностью и заграничными сношениями Владимира Ульянова тщательное наблюдение».

Выполнить предписание было довольно трудно, потому что Петербуржец к тому времени стал опытным конспиратором, умел уходить от филеров, постоянно находился в пути, переезжал в Европе из города в город, из страны в страну... И не спешил домой, попав в объятия столпов отечественного марксизма, во главе их возвышался Георгий Плеханов, протянувший руку дружбы молодому марксисту Владимиру Ульянову, европейски образованному до приезда в Европу.

Первого мая 1895 года вырвавшийся на свободу Петербуржец пересекает государственную границу Российской империи и движется по железной дороге в Швейцарию. В пути возникают некоторые трудности в усвоении разговорного немецкого языка, о чем он сообщил матери. После Швейцарии – Париж, знакомство с зятем Карла Маркса, Полем Лафаргом. В июле – опять Швейцария, отдых на курорте.

Хотя некоторые временные языковые трудности при вживании в заграничную атмосферу случались, о чем свидетельствует письмо матери, но, впервые оказавшись в Европе, Владимир

Ульянов чувствовал себя свободно: отдыхал, жил на курорте, часами просиживал в библиотеках, читал по первоисточникам интересовавшие его сочинения, писал и переводил. Не важно для него было, где жить: то ли в Швейцарии, то ли во Франции, то ли в Германии, по вполне понятной причине – благодаря отличному знанию иностранных языков. И дело не только в природной способности нашего вождя к иностранной речи, но и в замечательной системе классического образования, которое давала российская гимназия. Не какая-то особенная, столичная – самая рядовая, провинциальная, симбирская, в частности, из нее вышли два премьера России – Керенский и Ленин.

Посмотрим и расписание занятий в седьмом классе, когда в нем учился Владимир Ульянов (всего обучение длилось восемь лет).

Учились шесть дней в неделю, по четыре – максимум пять уроков. Из 28 часов занятий на физику, математику отводилось всего 5 часов! По часу на логику и географию, Закон Божий. По два часа – на историю, словесность. И 16 (шестнадцать) часов в неделю занимались гимназисты языками – греческим, латинским, немецким и французским, причем основное внимание обращалось на письменные и устные переводы с русского на иностранный! Когда я учился в Московском университете, ставилась задача только читать и переводить со словарем, не более того, общаться с иностранцами после такого курса никто не мог.

Гимназическое начальство не гналось за процентом успеваемости, не страшилось ставить нерадивым и неспособным двойки, нещадно оставляли таких на второй и третий год. Но уж те, кто получали аттестат зрелости, не бэкали, не мэкали, как все мы, воспитанники советских школ и университетов, не размахивали руками, прибегая к языку жестов, когда возникала необходимость поговорить с иностранцами.

В реальных училищах больше времени уделялось естественно-научным предметам. Но классическое образование нацелено было на постижение языков, на знание гуманитарных наук. Это позволяло сформировать мировоззрение молодых, дать возможность ощутить себя европейцами, дать в руки ключ к первоисточникам новейшей научной литературы, которая выходила главным образом на немецком и французском языках. Гимназическое образование позволяло каждому в 17 лет, при желании, заводить деловые отношения с иностранцами без переводчиков, основывать совместные предприятия, ездить за границу, не испытывая трудности в общении, постижении информации по любым наукам, промыслам и ремеслам.

Замечательная национальная гимназическая система народного образования была разрушена, когда к власти пришел воспитанник симбирской гимназии Владимир Ульянов. Вкупе с супругой, занявшейся делами «народного просвещения», они с соратниками раз и навсегда покончили с латынью, греческим, древними языками в школе, свели к минимуму изучение современных европейских языков. И мы получили то, что имеем сегодня. Заканчивая Московский университет, даже филологический факультет, никто не знал того, что знал когда-то каждый российский гимназист!

...После Швейцарии – Берлин, снова знакомства, встречи, сочинение статей, походы в театр, библиотеку... Из Москвы приходит письмо о том, что подыскивается новая квартира после дачного сезона...

Русские люди, оказавшись за границей в те времена, не устремлялись по магазинам и лавкам в надежде купить нечто дефицитное или модное, не глазели на витрины, как на музейные стенды. Любой заморский товар продавался в Москве и других городах по тем же примерно ценам, что в Берлине и Париже: рубль служил валютой конвертируемой, устойчивой, уважаемой.

Что же покупал Владимир Ульянов за границей? Книги, которых не находил в России. Купил особый чемодан – с двойным дном, пользовавшийся повышенным спросом у русских. Для перевозки не контрабандных товаров, а нелегальной литературы, которую десятилетиями

ввозили в империю из Европы, где свободно печатались журналы и газеты либеральных и революционных партий.

На российской таможне при досмотре бдительные стражи хотя и переворачивали новый чемодан господина Ульянова, но не заметили двойного дна и всего, что в нем перевозилось через кордон. А от того, чтобы не воспользоваться таким хитрым чемоданом, Владимир Ильич, хотя и опасался разоблачения, не удержался.

Когда досмотр благополучно закончился, путешественник с радостью устремился в Москву, в семью, которая проживала в Мансуровском переулке, на Остоженке, и на подмосковной даче в Бутове, известном сейчас кварталами многоэтажных домов-коробок.

Да, Владимиру Ульянову удалось обмануть таможенников и жандармов, что радовало его, как ребенка. В те дни, свидетельствует Анна Ильинична, «он много рассказывал о своей поездке и беседах, был особенно довольный, оживленный, я бы сказала, сияющий. Последнее происходило, главным образом, от удачи на границе с провозом нелегальной литературы».

Из Москвы ездил Владимир Ильич в Бутово, на дачу, где за Анной Ильиничной велся «негласный надзор». Вместе с ее мужем, Марком Елизаровым, совершил поездку в Орехово-Зуево, в подмосковный город, где господствовала Морозовская мануфактура, прославившаяся мощной стачкой текстильщиков. Хотелось посмотреть фабричный город, крепость пролетариата в будущей революционной войне.

«Чрезвычайно оригинальны эти места, часто встречаемые в Центральном промышленном районе: чисто фабричный городок с десятками тысяч жителей, только и живущий фабрикой. Фабричная администрация – единственное начальство. Управляет городом фабричная контора. Раскол народа на рабочих и буржуа – самый резкий. Рабочие настроены поэтому довольно оппозиционно, но после бывшего там погрома осталось так мало публики, и вся на примете до того, что сношения очень трудны. Впрочем, литературу сумеем доставить», – писал Владимир Ульянов в Цюрих руководству группы «Освобождение труда».

Пока молодой революционер четыре месяца путешествовал по Европе, родная полиция не дремала и «замела» многих московских марксистов.

«Был в Москве, – писал в те дни Петербуржец. – Никого не видал... Там были громадные погромы, но кажется, остался кое-кто, и работа не прекращается».

Пока над Петербургом темные тучи проносятся мимо, он на свободе. Ему улыбается счастье. На таможне, где пересекалась граница, а находилась она в Вержблове, все обошлось. Начальник пограничного отделения донес в департамент полиции, что при самом тщательном досмотре багажа ничего предосудительного в нем не обнаружено.

Но гулять на свободе оставались считанные дни. Петербургская полиция оказалась более бдительной, чем на границе таможня.

Под псевдонимом Ильин

Заканчивался год 1895-й.

Это значит, Владимир Ильич Ульянов прожил четверть века. Его сверстники по симбирской гимназии, Казанскому и Петербургскому университетам служили, произносили речи в судах, делали карьеру на государственной и частной службе, заводили собственное дело.

Помощник присяжного поверенного Ульянов шел к цели жизни иным путем. Под именем Николая Петровича появлялся в разных концах Петербурга в квартирах, где его поджидали несколько рабочих – слушателей кружков. И часами вел пропаганду марксизма.

«Революция, – говорил лектор одному из единомышленников, вернувшись из-за границы, – предполагает участие масс. Но ее делает меньшинство». Его назовут «профессиональным революционером», чье занятие – исключительно дела партийные, конспиративные. Такую жизнь Николай Петрович вел до первого ареста. «Революция – не игра в бирюльки», – говорил он студенту Михаилу Сильвину, слушателю кружка, а другому – рабочему, слушателю кружка Владимиру Князеву посоветовал не увлекаться развлечениями: «Я слышал, что вы любите ходить на танцы, но это бросьте – надо работать вовсю».

Что касается собственных заработков, то признавался другому слушателю кружка, что работы, в сущности, никакой нет, за год, если не считать обязательных выступлений в суде, не заработал даже столько, сколько стоит помощнику присяжного поверенного выборка документов.

На какие деньги при таком отношении к службе жил помощник присяжного поверенного Ульянов, мы знаем. Но где брались средства на печать монографии на гектографах, бумагу, где нашлись деньги на листовки, издание газеты, которую было подготовили в Петербурге молодые марксисты?

– Надо обязать членов партии вносить членские взносы, устраивать лотереи и пользоваться всеми возможными источниками для добывания денежных средств, – поучал Николай Петрович портового рабочего Владимира Князева, которому помогал как адвокат отсудить наследство покойной бабушки.

Известно, что во время забастовки на фабрике Торнтон в Питере Ленин вместе с товарищем посетил рабочего Меркулова и вручил ему 40 рублей для передачи семьям арестованных. Откуда они появились у питерских марксистов, ведь не из гонораров за непроизносимые адвокатские речи, не из переводов матери Марии Александровны? Очевидно, кто-то из состоятельных студентов – слушателей кружков дал из своих личных средств.

Тогда, в 1895-м, до «всех возможных источников добывания денежных средств» дело не дошло. В тот момент, когда питерские марксисты, объединившись в «Союз борьбы за освобождение рабочего класса», вот-вот собирались выпустить первый номер газеты под названием «Рабочее дело», столичная полиция решает: пора эту «песню прекратить». И производит аресты. В ночь с 8 на 9 декабря Владимир Ульянов вместе с товарищами по «Союзу борьбы» взят под стражу и стал жильцом камеры № 193 дома предварительного заключения.

Тюремную камеру заключенный превращает в кабинет, пишет «Проект программы социал-демократической партии», заказывает книги в тюремной библиотеке. С их помощью, отмечая буквы точками и штрихами, устанавливает связь с соседями. Занимается гимнастикой, пишет письма. Наконец приступает к большой работе – «Развитие капитализма в России». Поэтому просит родных прислать ему нужные книги. Просит купить чемодан, похожий на тот, привезенный из-за границы, но без двойного дна, опасаясь, что полиция вернется к давнему эпизоду задним числом и улучит его в транспортировке нелегальной литературы.

Родные бросаются на помощь. В Питер приезжают мать, сестры Анна Ильинична, Мария Ильинична. «Мать приготовляла и приносила ему три раза в неделю передачи, – пишет Анна

Ильинична, – руководствуясь предписанной специалистом диеты, кроме того, он имел платный обед и молоко». Молоком исписывал страницы тюремных книг, затем текст прочитывался, перепечатывался на воле. Чтобы писать молоком, Владимир Ильич делал чернильницы из хлеба. Когда надзиратель усиливал наблюдение – он их съедал, отправляя в рот за день несколько таких чернильниц, о чем со смехом рассказывал родным на свиданиях.

Книги, свежие журналы находились под рукой, в камере. Передачи, свидания разрешались все время, еда приносилась домашняя. «Свою минеральную воду я получаю и здесь, мне приносят ее из аптеки в тот же день», – писал заключенный вскоре после ареста. Когда спустя год неторопливое казенное следствие по делу «Союза борьбы» закончилось, то безо всякого суда (вот он, произвол царизма!) было объявлено решение о высылке Владимира Ульянова на три года в Восточную Сибирь. Владимир Ильич не без сожаления воскликнул, обращаясь к Анне Ильиничне:

– Рано, я не успел еще материалы собрать.

Другая сестра, Мария Ильинична, свидетельствует:

«И как это ни странно может показаться, хорошо в смысле его желудочной болезни повлияло на него и заключение в доме предварительного заключения, где он пробыл более года. Правильный образ жизни и сравнительно удовлетворительное питание (за все время своего сидения он все время получал передачи из дома) оказали и здесь хорошее влияние на его здоровье. Конечно, недостаток воздуха и прогулок сказались на нем – он сильно побледнел и пожелтел, но желудочная болезнь давала меньше себя знать, чем на воле».

Такая была царская карательная система до первой русской революции, до «Манифеста» о свободах. Ну а какую систему в тюрьмах и следственных изоляторах установила «рабоче-крестьянская власть», когда ее возглавил бывший узник камеры № 193, каждый хорошо знает.

В ссылку Ульянов получил разрешение ехать без конвоя, своим ходом, свободно по железной дороге. По пути из Питера остановился на несколько дней в феврале 1897 года в Москве, где все еще жила семья Ульяновых. На сей раз она квартировала в районе Арбата, на Собачьей площадке, в деревянном старинном особняке. То был пятый из известных краеведов московский адрес Ульяновых за три с половиной года пребывания в городе.

Арбатскую квартиру никто из Ульяновых не описал. По всей вероятности, она была такая, как обычно. С отдельными комнатами для каждого члена семьи, общей столовой, с роялем, следовавший за Марией Александровной повсюду, куда бы она ни переезжала. Со столом, покрытым белоснежной крахмальной скатертью. «Помню простую обстановку квартиры Ульяновых, просторную столовую, где стоял рояль и большой стол, покрытый белой скатертью»... Это описание очевидца относится к квартире в Самаре, но такой интерьер формировался постоянно везде, где селилась большая, дружная семья.

Простота с роялем обеспечивалась стабильно много лет, хотя помощи от старшего сына матери ждать не приходилось. Да никто в ней не нуждался. Наоборот, каждый член семьи Ульяновых стремился оказать всегда помощь дорогому и необыкновенному Владимиру, не считаясь со временем, издержками на покупку дорогих книг, диетической еды, чемодана с двойным дном и тому подобных вещей.

Что касается довольно частых переездов с квартиры на квартиру, то это была в принципе обычная практика московской жизни для многих состоятельных людей, когда они предпочитали арендовать жилье, не покупая собственные дома. Так поступала мать Александра Пушкина, менявшая квартиры по нескольку раз в год. Так делала семья писателя Аксакова, когда возвращалась осенью из собственной усадьбы в Абрамцево зимовать в Первопрестольную. Так, мы видим, практиковали Ульяновы, выбирая, что удобнее и лучше...

Спустя три года после окончания ссылки, отдохнувший от суеты столичной жизни, надышавшийся свежим воздухом, накатавшийся на коньках и на лыжах, наохотившийся в тайге, наевшийся свежайшего мяса, сибирских пирожков, молодой революционер с женой вернулся

из неволи в Москву. С вокзала отправился домой, не на Арбат, Собачью площадку, а в другой район Москвы. О чем речь впереди...

К слову сказать, о существовании телятины как товара я узнал, когда на закате СССР писал книгу, не из опустевших в результате «перестройки» витрин московских магазинов, а из чтения воспоминаний Надежды Константиновны о пребывании в ссылке, в Шушенском. Эти мемуары поразили мое воображение. Надежда Константиновна, когда писала после смерти Ильича мемуары, не предполагала, что вместо обещанного коммунизма настанет время, когда жизнь осужденных в царской ссылке будет казаться пребыванием в санатории за казенный счет.

Процитирую эпизод, где рассказывается, как Владимир Ильич занимался для души адвокатской практикой, не имея на то права как ссыльный, давал юридические советы местным крестьянам и узнавал разные житейские истории, изучая практическим образом экономическую сторону жизни сибирского села.

«Раз бык какого-то богатея забодал корову маломощной бабы (как видите, даже в мельчайшем бытовом эпизоде не покидает мемуаристку, Надежду Константиновну, классовый подход. – Л.К.). Волостной суд приговорил владельца быка заплатить бабе десять рублей. Баба опротестовала решение и потребовала „копию“ с дела.

– Что тебе, копию с белой коровы, что ли? – посмеялся над ней заседатель. Разгневанная баба побежала жаловаться Владимиру Ильичу. Часто достаточно было угрозы обижаемого, что он пожалуется Ульянову, чтобы обидчик уступил».

Теперь, когда мы получили некоторое представление, какую роль играл в жизни ссыльного некий «заседатель», вершивший волостной суд, приведу другой эпизод, где этот же человек выступает не как юридическое лицо, а как эксплуататор по отношению к ссыльному.

Итак, цитирую.

«Заседатель – местный зажиточный крестьянин – больше заботился о том, чтобы сбыть нам телятину, чем о том, чтобы „его“ ссыльные не сбежали. Дешевизна в этом Шушенском была поразительная. Например, Владимир Ильич за свое „жалованье“ – восьмирублевое пособие – имел чистую комнату, кормежку, стирку и чинку – и то считалось, что дорого платит. Правда, обед и ужин был простоват – одну неделю для Владимира Ильича забивали барана, которым кормили его изо дня в день, пока всего не съест; как съест – покупали на неделю мяса, работница во дворе в корыте, где корм скоту заготавливали, рубила купленное мясо на котлеты для Владимира Ильича, тоже на целую неделю. Но молока и шанег было вдоволь и для Владимира Ильича, и для его собаки, прекрасного гордона Женьки, которую он выучил и поноску носить, и стойку делать, и всякой другой собачьей науке. Так как у Зыряновых (хозяева избы, в которой жил ссыльный. – Л.К.) мужики часто напивались пьяными, да и семейным образом жить там было во многих отношениях неудобно, мы перебрались вскоре на другую квартиру – полдома с огородом наняли за четыре рубля. Зажили семейно...

Летом некого было найти в помощь по хозяйству. И мы с мамой воевали с русской печкой. Вначале случалось, что я опрокидывала ухватом суп с клецками, которые рассыпались по исподу. Потом привыкла. В огороде выросла у нас всякая всячина – огурцы, морковь, свекла, тыква: очень я гордилась своим огородом. Устроили мы во дворе сад – съездили мы с Ильичом в лес, хмелю привезли, сад соорудили. В октябре появилась помощница, тринадцатилетняя Паша, худущая, с острыми локтями, живо прибравшая к рукам все хозяйство».

Так вот, припеваючи («Владимир Ильич, очень охотно и много певший в Сибири...» – это тоже из воспоминаний Крупской), жили ссыльные там, где днем с огнем в 1990 году не найти было ни по дешевке, ни за большие деньги всего того, что так хорошо описала Надежда Константиновна. Ее слова дополняет интерьер дома в Шушенском, где находится один из музеев Ленина. Квартиру нашего будущего вождя в сибирском доме вдовы Петровой видели многие экскурсанты.

...По стенам комнаты, где поселились молодые, стоят кровати, книжный шкаф, массивная конторка, стол, стулья, тумбочка, кресло... В такой обстановке, при крепком рубле, позволявшем за копейки покупать телятину, осетрину, за десять рублей корову, заканчивает Ленин монографию «Развитие капитализма в России. Процесс образования внутреннего рынка для крупной промышленности». Пишет статьи, где доказывает необходимость построения партии, которая должна во главе рабочего класса разрушить до основания этот самый рынок и построить новое общество без «богатеев», без «маломощных баб», без «заседателей», так плохо надзиравших за ссыльными, норовивших сбыть по дешевке им телятину.

Из мемуаров Крупской и других революционеров создается впечатляющая картина царской ссылки, испытанной тысячами противников самодержавия. Своих политических врагов режим отправлял на жительство в «места не столь отдаленные» нередко без охраны, за казенный счет. Получал каждый по 8 рублей жалованья в месяц. Никто не принуждал отрабатывать эти приличные деньги на лесоповале, «химии», в рудниках и так далее. За восемь рублей ссыльные могли снимать нормальное жилье и питаться так, как не снилось свободным гражданам, семьдесят лет пытавшимся претворить в жизнь заветы Ильича. А именно: регулярно, каждый день, потреблять телятину, обедаться клецками, бараными котлетами, шаньгами и прочими блюдами, дополняя мясо, рыбу овощами из собственного огорода, нанимая прислугу в помощь жене.

Никаких при этом зон, лагерей, колючей проволоки, собак, вертухаев, сексотов, шмонов и прочих карательных изобретений и прелестей, никаких!

Как так вышло, что блестяще образованный юрист, пройдя ссыльные университеты, и его соратники, интеллектуалы, испытывавшие царскую ссылку, создали невиданный в истории по жестокости «Архипелаг ГУЛАГ»? Загадка века, не иначе. Человек, который в Шушенском по вечерам «обычно читал книжки по философии – Гегеля, Канта, французских материалистов, а когда очень устанет – Пушкина, Лермонтова, Некрасова», стало быть, философски образованный, напряженно постоянно думающий о всеобщем благе, законах развития природы и общества, воспитанный на шедеврах русской (лучшей в мире) литературы, именно он – автор 58-й чудовищной статьи советского Уголовного кодекса. Именно Владимир Ильич – творец «расстрельных» статей, требовавший ужесточения наказаний за инакомыслие, организатор первых в истории России XX века концлагерей для сограждан.

Сомневающимся в моих словах – отсылаю к 45-му тому Полного собрания сочинений В.И. Ленина, где напечатаны «совершенно секретные» письма «т. Курскому», появившиеся в том последнем году жизни, когда еще он мог водить пером по бумаге, незадолго до паралича. Этот т. Курский, сам впоследствии расстрелянный, возглавлял Наркомат юстиции. Вот ему-то умиравший велел к шести статьям Уголовного кодекса РСФСР, предусматривавшим за политическую деятельность высшую меру наказания, то есть расстрел, с 58-й по 63-ю статьи, прибавить еще пять, с 64-й по 69-ю, завещав «расширить применение расстрела... По всем видам деятельности меньшевиков, с-р (то есть социал-революционеров. – Л.К.) и т. п.». Значит, убивать тех партийцев, с кем отбывал срок в сибирской ссылке... В письмах к т. Курскому Ленин предстает в полный рост – безо всякого грима биографов. Карателем.

...В феврале 1900 года срок ссылки кончился. По дороге из Сибири (конечный пункт следования – Псков, где полагалось жить после ссылки. – Л.К.). Владимир Ильич нелегально заезжает в Москву, к родным. В Подольске встретил его младший брат Дмитрий, отбывавший в этом подмосковном городе свой срок ссылки. Успел и он попасть под надзор полиции. «Нашел его в вагоне третьего класса дальнего поезда, – пишет Дмитрий Ульянов, – Владимир Ильич выглядел поздоровевшим, поправившимся, совсем, конечно, не так, как после предварилки» (имеется в виду дом предварительного заключения в Петербурге. – Л.К.).

«Мы жили в то время на окраине Москвы у Камер-Коллежского вала, по Бахметьевской улице, – дополняет рассказ брата сестра Анна Ильинична. – Увидев подъехавшего извозчика,

мы выбежали все на лестницу встречать Владимира Ильича. Первым раздалось горестное восклицание матери: „Как же ты писал, что поправился? Какой же ты худой!“»

Не успело утихнуть радостное возбуждение (как теперь пишут – эйфория) от долгожданной встречи, как дорогой Володя захлопотал о своем, о революционном деле, отправив младшего брата на почту, чтобы дать телеграмму дорогому товарищу, каким являлся для него в те дни Юлий Мартов (будущий непримиримый враг, вождь меньшевиков, с которым вместе намеревался выпускать за границей общерусскую газету, строить партию нового типа...). «Смело, братья, смело, и над долей злой песней насмеемся удалой», – распевал в те дни Владимир Ильич песню, сочиненную Мартовым, не чуравшимся сочинением песен. Пелись и другие революционные песни, сочиненные другим ссыльным – Глебом Кржижановским: «Беснуйтесь, тираны!», «Вихри враждебные»... Мелодии к ним Владимир Ильич и младшая сестра подбিরали на семейном рояле, который, как видим, наличествовал и на Бахметьевской улице, на окраине.

Нелегальное появление Ульянова в Москве не осталось незамеченным «недреманным оком» полиции. Небезызвестный начальник Московского охранного отделения Зубатов доносил «совершенно секретно»: «...В здешнюю столицу прибыл известный в литературе (под псевдонимом Ильин) представитель марксизма Владимир Ульянов, только что отбывший срок ссылки в Сибири, и поселился, тоже нелегально, в квартире сестры своей Анны Елизаровой, проживающей в доме Шаронова по Бахметьевской улице вместе с мужем своим Марком Елизаровым и сестрой Марией Ульяновой (все трое состоят под надзором полиции)». По всей вероятности, тогда охранка марксистов особенно не опасалась, никаких мер в отношении нарушившего предписание Владимира Ульянова не приняла, дала возможность пожить у родных в Москве.

Не прошло мимо полиции и то обстоятельство, что Дмитрий Ульянов также «прибыл тайно в здешнюю столицу и привел с собой на квартиру Елизаровых, где в это время находились Мария и Владимир Ульяновы, таганрогского мещанина Исаака Христофорова Лалаянца...» Благодаря донесениям филеров знаем мы, что в те же дни поднадзорные сестра и брат посетили на Второй Мещанской инженера Германа Красина, сотоварища Ильича по питерскому марксистскому кружку. (Другой инженер Красин, Леонид, брат Германа, через несколько лет станет главой «боевой технической группы», тайной лаборатории, изготавливавшей бомбы, изобретенные инженером и химиком Тихвинским. Ими убиты многие в годы первой революции.) В 1921 году профессора химии Тихвинского, как свидетельствует сборник документов «Ленин и ВЧК», арестовали органы ВЧК. И расстреляли. Хорошо знавший его Владимир Ильич на ходатайство Русского физико-химического общества, пытавшего спасти от казни известного ученого, ответил через секретаря: «Тихвинский НЕ случайно арестован: химия и контрреволюция не исключают друг друга». Знал, что писал, ведь химия не исключала известное ему тайное участие Тихвинского в революции 1905 года...

Вечером побывали Ульяновы на спектакле Художественного театра, который давал представления в парке «Эрмитаж». Сходил вырвавшийся на свободу на Кузнецкий Мост, в фотосалон, сфотографировался. Несколько карточек послал на память в Шушенское, товарищам по ссылке. Все эти события происходили в феврале, а в июне семья Ульяновых встречала Владимира на даче в Подольске, где она снимала дом, имея квартиру в Москве.

Долгожданный гость приехал в Подольск, имея заграничный паспорт и две тысячи рублей в кармане, которые дала на партийную работу А.М. Калмыкова, по кличке партийной «Тетка», богатая питерская хозяйка книжного склада, издательница, сторонница марксизма... Ей суждено умереть при советской власти в бедности и одиночестве, до начала «большого террора».

В Подольске, как некогда в Кузьминках, Владимир Ульянов совещался со своими сторонниками и отдыхал. В этом доме устроили в предвоенные годы мемориальный музей, и он дал полное представление еще об одной квартире Ульяновых: «Самую маленькую из всех ком-

нат дома – рядом с гостиной и кухней – занимала Мария Александровна. В сравнительно просторной комнате жили Анна Ильинична и Марк Тимофеевич Елизаров. Гостиная была общим местом отдыха, где по вечерам Мария Александровна на старинном фортепиано исполняла романсы Глинки, отрывки из произведений Чайковского, оперы Верстовского „Аскольдова могила“. Из гостиной дверь ведет в столовую, которая одновременно была и комнатой Марии Ильиничны. Владимир Ильич поселился у Дмитрия Ильича в комнате-мезонине...»

Какая вдова, какая пенсионерка позволяла себе снимать, живя в советской Москве, сразу два дома по пять-семь комнат каждый, с фортепиано? Кроме скромного чиновника на железной дороге Марка Елизарова, не особенно преуспевавшего на казенной службе, никто больше в семье из семи человек, включая Владимира Ильича и Надежду Константиновну, жалованья не имел.

Перед приездом в Подольск пережил Владимир Ильич пренеприятное происшествие. Его арестовали и продержали под арестом несколько дней за нелегальное посещение Царского Села, куда случайно попал с Мартовым. А там – резиденция царя, за каждым кустом сидели полицаи. Поэтому в Подольск выпущенного на свободу Ульянова доставили под присмотром чиновника полиции...

В Подольске случилось еще одно происшествие. Исправник, которому представился прибывший, решил проявить свою власть. «Теперь вы можете идти, а паспорт останется у меня», – сказал уездный исправник... Но Владимир Ильич твердо и решительно заявил, что он никуда не уйдет, пока не получит документ. «Исправник был неумолим, – пишет Дмитрий Ильич. – Только после того как Владимир Ильич пригрозил, что будет жаловаться на его незаконные действия в департамент полиции, последний струсил и вернул паспорт». Родственникам после этого происшествия говорил: «Хотел отобрать у меня паспорт, старый дурак, так я его так напугал департаментом полиции...» Со смехом рассказывал Владимир Ильич и про то, как не раз убегал от ходивших за ним по пятам филеров.

По-видимому потому, что Владимир Ульянов и его товарищи имели дело с такими «старыми дураками», полицейскими чиновниками, которые их сопровождали из столицы в столицу, чтобы доставить на дачу к родным, с начальниками охранки, сквозь пальцы смотревшие на нелегальное жительство в Москве, с правительством, которое оплачивало их проживание в ссылке, именно поэтому, придя к власти, ленинцы сделали все возможное, чтобы такое такое либеральное отношение к противникам власти никогда больше не повторилось. Им это блестяще удалось.

Итак, летом 1900 года, имея в кармане загранпаспорт и две тысячи конвертируемых полновесных рублей Российской империи, Владимир Ильич Ульянов устремился за границу, чтобы издавать «Искру», строить партию нового типа. Началась первая эмиграция, длившаяся свыше пяти лет.

По чужому паспорту

За границу летом 1900 года Владимир Ильич выехал по заграничному паспорту, выданному на имя, данному отцом и матерью. К тому времени у него насчитывалось много других имен. В рабочих кружках его звали Николаем Петровичем. В студенческом питерском кружке марксистов из-за ранней лысины – Стариком. В московских кружках – Петербуржцем. Первые книги вышли под псевдонимом Владимир Ильин, причем, как мы знаем, полиция хорошо знала, кто скрывается под псевдонимом.

В германском городе Мюнхене наш герой тайно зажил как господин Мейер. Под этой кличкой нашла с большим трудом мужа приехавшая за границу из ссылки Надежда Константиновна, полагая, что супруг скрывается по паспорту на имя чеха Модрачека в городе Праге. В Чехии, однако, конспиратора не оказалось. При встрече с Крупской настоящий Модрачек догадался: «Ах, вы, вероятно, жена герра Ритмейера, он живет в Мюнхене, но пересылал вам в Уфу через меня книги и письма».

Из Праги покатила Надежда Константиновна в Мюнхен. Нашла по данному ей адресу пивной бар, за его стойкой увидела Ритмейера. Он не сразу сообразил, чего хочет от него незнакомая женщина, не признавшая в нем мужа. «Ах, это, верно, жена герра Мейера, – догадалась супруга бармена, – он ждет жену из Сибири. Я провожу». И проводила в квартиру, где за столом заседали Владимир Ильич, его старшая сестра Анна и друг-соратник Юлий Мартов...

«Немало россиян путешествовало потом в том же стиле, – вспоминала тот эпизод Надежда Константиновна. – Шляпников заехал в первый раз вместо Женевы в Геную, Бабушкин вместо Лондона чуть не угодил в Америку». Молодая супруга бывшего присяжного поверенного, нигде не служившая и не получавшая жалованья, могла колесить по Европе, а обосновавшись там, вызвать мать-пенсионерку, помогавшую вести хозяйство. Паспорт и деньги у наших революционеров находились, чтобы из Москвы и других городов России перебираться в сытые, ухоженные города Европы, где, засучив рукава, они принимались подталкивать родину к пропасти революции.

(Сегодня трудно понять, почему революционеры так себя вели, ни в чем не нуждаясь, нигде не работая? Потому что видели вокруг себя нужду и бесправие, тяжкую изнурительную жизнь рабочих и крестьян. Из сострадания к ним марксисты, а до них декабристы, имевшие все – чины, ордена, имения, жен и детей, стремились, рискуя всем, жизнью, свергнуть самодержавие. Так было в 1825 году, так произошло в 1905 году и 1917-м.

В наши дни, при воцарившемся капитализме, одни владеют гектарами земли, другие шестью сотками, одни получают пять тысяч рублей, другие полмиллиона в месяц, одни живут в коммунальных и малометражных квартирах, другие – в усадьбах, не уступающих богатством тем, помещичьим, что грабили и жгли крестьяне в дни революции. В январе 2015 года, когда редактировал книгу, все СМИ сообщили: олигарх миллиардер Роман Абрамович скупает за миллионы долларов в Нью-Йорке квартал, чтобы построить дворец. И яхта у него как крейсер «Аврора».

Прошел почти век между восстанием на Сенатской площади и взятием Зимнего дворца. Сколько понадобится лет после стрельбы у Белого дома, чтобы покончить с олигархами, – не знаю. Может быть, век. Но по следам Владимира Ульянова и Надежды Крупской пойдут непременно те, кто не захочет жить и терпеть пропасть между бедными и богатыми.)

После приезда жены в образе жизни Владимира Ильича произошло несколько метаморфоз. Если до ее появления в Мюнхене пребывал без паспорта, без прописки под именем Мейера, то после воссоединения с женой появился паспорт на имя болгарина доктора юриспруденции Иордана К. Иорданова, презентованный болгарскими друзьями социал-демократами.

Конспирация проявлялась и в том, что вся корреспонденция между заграницей и Россией шла через чеха Модрачека в Праге. От него только по почте попадала в руки нелегала в Мюнхене.

Жили Иордан К. Иорданов и его супруга тихо-тихо в предместье, круг их общения строго ограничивался проверенными людьми. Просидев четырнадцать месяцев в камере дома предварительного заключения, отбыв от звонка до звонка три года ссылки в Восточной Сибири, угодив затем на десять дней в дом предварительного заключения за нелегальный проезд из Пскова через Царское Село в Питер, Владимир Ильич, по-видимому, твердо решил никогда больше не подвергать себя арестам. В отличие от, скажем, товарищей Дзержинского, Сталина, которые неоднократно совершали побеги из ссылки, Ленин, отсидев срок исправно, даже не помышлял бежать, хотя сделать это было сравнительно несложно.

Выйдя на свободу, хорошо знал, чем ему предстоит заниматься, а именно изданием подпольной общерусской партийной газеты. Будущий редактор понимал, что выпускать ее в России практически невозможно. Подготовленную там к выпуску нелегальную газету ждала участь «Рабочего пути», изъятого полицией перед самым выходом в свет.

Хорошо помнил Владимир Ульянов, чем закончился первый съезд новорожденной социал-демократической партии, состоявшийся, когда он пребывал в Шушенском, в Минске. На него собралось девять делегатов. Новоявленных членов ЦК полиция арестовала, как и почти всех делегатов исторического съезда. Ответив на вопрос «Что делать?» в известном своем сочинении, Ленин понимал: общерусскую газету и партию можно поставить на ноги только за границей. Поэтому уехал надолго в Европу, развив там невероятно бурную деятельность.

Живя в эмиграции, господин Мейер находит типографию, добывает нелегальным путем русский шрифт, обзаводится корреспондентами и агентами. В конце 1900 года выходит долгожданный первый номер «Искры» с эпиграфом из Александра Пушкина «Из искры возгорится пламя!», а также журнал «Заря»...

Для издания журнала владельцу типографии предъявлялся паспорт на имя Николая Егоровича Ленина, потомственного дворянина. К тому времени законный владелец паспорта пребывал на том свете. Как выяснено историком М. Штейном, у умиравшего коллежского секретаря паспорт был взят дочерью Ольгой Николаевной и передан подруге Надежде Крупской. Иными словами, паспорт, таким образом, похитили. Документ попал в чьи-то умелые руки. Они подделали год рождения. Фотографий тогда на паспортах не полагалось.

Владелец фальшивого паспорта подписал свою статью в журнале «Заря» новым псевдонимом – Николай Ленин, войдя под этим именем в историю. Как видим, обман в самой разной форме стал образом жизни пролетарского революционера. К тому времени за редактором «Искры» числилось много других псевдонимов: К. Тулин, К. Т-н, Владимир Ильин... Всего же их исследователи насчитывают более 160... Но из них Н. Ленин стал самым известным, а причиной его появления послужило не пристрастие к сибирской реке Лене, не к женскому имени Лена, а конспиративная операция, связанная с хищением паспорта.

Имея этот документ и свой выданный в Питере паспорт, тем не менее Владимир Ульянов обосновался у партайгеноссе Ритмейера под именем Мейера, причем без паспорта на это имя. Такое в тогдашней Германии было возможно.

«Хотя Ритмейер и был содержателем пивной, но был социал-демократ и укрывал Владимира Ильича в своей квартире. Комнатешка у Владимира Ильича была плохенькая, жил он на холостяцкую ногу, обедал у какой-то немки, которая угощала его мелъшпайзе (то есть мучными блюдами. – Л.К.). Утром и вечером пил чай из жестяной кружки, которую сам тщательно мыл и вешал на гвоздь около крана». В этом описании биограф Ленина Н. Валентинов видит стремление Надежды Константиновны «прибедниться», нарисовать образ, который бы соответствовал представлениям масс об облике пролетарского вождя, полагающих, что их кумир должен сам хлебнуть лиха. Отсюда в ее воспоминаниях мы постоянно встречаем «комнатешку» вместо комнаты, «домишко» вместо дома и так далее.

Никаких лишений у Ильича и до приезда жены, и после не существовало. Просто герр Мейер не придавал особого внимания быту и столовался у щедрой на выдумки соседки – немецкой кухарки, потчевавшей постояльца германскими пирогами и пышками, по-видимому, ни в чем не уступавшим полюбившимся ему сибирским аналогам – шанежкам.

Ульянов-Мейер мог себе позволить обедать каждый день и в ресторане, пить чай не из жестяной, а из фарфоровой чашки, жить в отдельной квартире, а не в «комнатешке».

Будучи редактором «Искры», он начал впервые получать постоянно жалованье, такое же, как признанный вождь Плеханов, что позволяло жить безбедно, как буржуа. Время от времени поступали литературные гонорары, порой крупные, в 250 рублей. В тридцать лет сыну продолжала присылать деньги мать, Мария Александровна. Когда начала выходить «Искра», из Москвы Мария Александровна переслала 500 рублей с редактором «Искры» Потресовым. Последний ошибочно полагал, что эти деньги передавались для газеты... Ему и в голову не могло прийти, что столь большую сумму шлет на личные расходы великовозрастному сыну мама. Надежда Константиновна служила при «Искре» секретарем, ее вписали в паспорт Иорданова под именем Марица.

Прожив месяц в некой «рабочей семье», доктор Иорданов с женой Марицей сняли квартиру на окраине Мюнхена в новом доме. Купили мебель. Если у Надежды Константиновны тенденция «прибеднить» эмигрантскую жизнь не особенно бросается в глаза, то у Анны Ильиничны явственно видна преднамеренная дезинформация. «Во время наших редких наездов, – пишет Анна Ильинична, – мы могли всегда установить, что питание его далеко не достаточно». Это замечание относится к жизни за границей, куда старшая сестра, нигде и никогда не служившая, могла приезжать, когда ей хотелось. Она же кривила душой, когда писала, что в Шушенском ее брат жил «на одно свое казенное пособие в 8 рублей в месяц», в то время как финансовая подпитка со стороны семьи не прекращалась. Брату слали книги ящиками, причем дорогие, подарили охотничье ружье и многое другое.

Когда же за портрет вождя взялись партийные публицисты, то у них из-под пера потекла махровая ложь. «Как сам тов. Ленин, так и все почти другие большевики, жили впроголодь и отдавали последние копейки для создания своей газеты. Владимир Ильич всегда бедствовал в первой своей эмиграции. Вот почему, возможно, наш пролетарский вождь так рано умер», – фантазировал в книжке «Ленин в Женеве и Париже», изданной в 1924 году, «товарищ Лева», он же большевик М. Владимиров, служивший наборщиком «Искры». Он не мог не знать, что на гроши, на копейки газету не издашь. Требовались десятки тысяч рублей в год. Не жил впроголодь и «товарищ Лева». Труд наборщиков оплачивался хорошо, как редакторов. Этот автор выдумал о жизни вождя «впроголодь». Сам Ленин писал, что «никогда не испытывал нужды».

Откуда же брались деньги, тысячи на газету? Их давали состоятельные люди – предприниматели, купцы, писатели, полагавшие, что с помощью социал-демократов, таких решительных, как Николай Ленин, им удастся разрушить самодержавие, сделать жизнь России свободной, как в странах Европы, где существовал парламент, партии, независимые газеты, где люди могли собираться на собрания, демонстрации, делать то, на что не имели права подданные императора в царской России до революции 1905 года.

Живя под Мюнхеном, супруги Иордановы, по словам Надежды Константиновны, «соблюдали строгую конспирацию... Встречались только с Парвусом, жившим неподалеку от нас в Швабинге, с женой и сынишкой... Тогда Парвус занимал очень левую позицию, сотрудничал в „Искре“, интересовался русскими делами». Кто такой Парвус? Редакторы десятитомных «Воспоминаний о Владимире Ильиче Ленине», откуда я цитирую эти строчки, практически не дают никакой информации на Парвуса, пишут только, что настоящая фамилия его Гельфанд, а инициалы А.Л.

Во втором томе Большого энциклопедического словаря находим краткую справку: «Парвус (наст. имя и фам. Ал-др Львович Гельфанд, 1869–1924), участник рос. и герм. с-д.

движения. С 1903 меньшевик. В I мировую войну социал-шовинист; жил в Германии. В 1918 году отошел от полит. деятельности». Между тем личность Парвуса требует особого внимания. Крупская многое о нем недоговаривает! Надежда Константиновна, упомянув, какую позицию занимал Парвус в начале века и чем интересовался в прошлом, ни словом не обмолвилась о том, чем занимался упомянутый деятель позднее, как будто ее читатели хорошо были осведомлены о нем.

Да, хорошо, очень хорошо многие большевики знали примерного семьянина Парвуса: и Надежда Константиновна, и Владимир Ильич, и Лев Давидович Троцкий – все другие вожди партии, а также Максим Горький. Ворочал Парвус большими деньгами, и когда сотрудничал в «Искре», и когда перестал интересоваться российскими делами. Максим Горький поручал ему собирать литературные гонорары с иностранных издательств, и тот, откачав астрономические суммы в пору, когда писателя публиковали во всем мире, а его пьесы шли во многих зарубежных театрах, не вернул положенную издательскую дань автору, прокутил тысячи с любовью, о чем сокрушенно писал «Буревестник».

Парвус в марте 1915 года направил правительству Германии секретный меморандум «О возрастании массовых волнений в России», где особый раздел посвятил социал-демократам и лично вождю партии большевиков, хорошо ему известному по совместной работе в «Искре». Вслед за тем, в марте того же года (какая оперативность!) казначейство Германии выделило 2 миллиона марок на революционную пропаганду в России. А 15 декабря Парвус дал расписку, что получил 15 миллионов марок на «усиление революционного движения в России», организовав некое «Бюро международного экономического сотрудничества», подкармливая из его кассы легальную верхушку всех социалистических партий, в том числе большевиков. В бюро Парвуса оказался в качестве сотрудника соратник Ильича Яков Ганецкий, будущий заместитель народного комиссара внешней торговли. Через коммерческую фирму его родной сестры по фамилии Суменсон и большевика (соратника Ленина) Мечислава Козловского, будущего председателя Малого Совнаркома, текла финансовая германская река в океан русской революции, взбаламучивая бурные воды, накатывавшие на набережную Невы, где стоял Зимний дворец. Как этот тайный механизм нам сегодня знаком по информации СМИ, где сообщается о подставных лицах, фирмах «друзей», родственниках, через которые утекли из нашей страны сотни миллионов долларов за границу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.